

ИСАЧЕНКО-ЛИСОВАЯ Т. А.

**НОМОКАНОН С ТОЛКОВАНИЯМИ ВАЛЬСАМОНА В ПЕРЕВОДЕ
ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО (КОНЕЦ XVII В.).**

Особенности языка и перевода

Статья посвящена изучению языка одного из интереснейших памятников конца XVII в. — так называемой Русской Кормчей V редакции и ее списков, стоящей за ней лингвистической традиции и школы перевода, а также общих особенностей развития языка второй половины XVII в.

Кормчие являются важнейшими памятниками средневекового правового сознания — одной из ведущих сфер общественного сознания в целом. Лингвистический анализ Кормчих книг может рассматриваться как необходимый этап и необходимый инструментарий к познанию соответствующих реалий.

Охватывая достаточно широкий диапазон понятий и явлений, относящихся к жизни и укладу средневекового общества, Кормчие дают обширный материал в языковом, и прежде всего, в лексическом отношении — с точки зрения процесса формирования русского литературного языка, возникновения терминологических систем философии, права, церковного права, выявления историко-лексикологического ресурса данного жанра для словарных и лексикологических работ.

Эпоха никоновской sprawy и последующие десятилетия XVII в. отмечены в русской культуре возрастающим интересом к проблемам текста, герменевтики и перевода. Это связано как с общими трансформационными процессами в структуре общества и общественного сознания, с поиском и выбором путей дальнейшего развития национальной культуры и национального языка, так и с частными, но определяющими обстоятельствами: воссоединение Украины с Россией, распространение в Москве «латинствующей» (киево-могилянской) учености, начавшаяся европеизация правящих кругов, обильное поступление новых источников как с Запада, так и с Востока, из монастырей и хранилищ Афона, Синая, Иерусалима [1]. Неудивительно, что справщики и переводчики никоновской и иоакимовской поры (1650—1690 гг.) активно обращаются к наиболее важным в идеологической практике текстам с попытками осуществить новый их перевод или новую редакцию, максимально приближенную к нуждам злободневной полемики и отвечающую синхронному состоянию языкового сознания. В 1674—1676 гг. под руководством Епифания Славинецкого (ум. 1676 г.) осуществляется новый перевод Евангелия, в 1678 г. заново переводится Апостол [рукописи Синодального, греческого собрания Государственного Исторического музея (ГИМ) под № 472, 473]. При этом греческий язык утрачивает свое монопольное значение как первоисточник текстов традиционного содержания. Один за другим появляются первые библейские переводы с польского: книга Иова, переведенная Моисеем Чудовским в 1671 г., Рифмотворная Псалтирь Симеона Полоцкого (1680 г.) и Псалтирь Авраамия Фирсова (1683 г.) [2].

В постоянной полемике и конкуренции с ширящимся потоком европейских переводов и соответствующих школ переводов [3] возникает и

активизирует свою деятельность чудовская (еллино-словенская) школа, во главе которой стоит все последующее время после смерти Славинецкого «последний поборник греческого учения в Москве» иеромонах Евфимий Чудовской [4].

Ученик Епифания Славинецкого, связанный, возможно, с ртищевской школой, Евфимий упоминается в качестве справщика Печатного двора, начиная с 1652 г., с перерывами — до 1690 г. При его непосредственном участии готовились к изданию: Ирмологий (1654), Скрижаль (1656), Требник (1658), Пролог (1659—1660), Чинovníк архиерейского священнослужения (1677), Устав (1682), Служебные Миней (1683).

Евфимий — переводчик важнейших идеологических трактатов. Ему принадлежат переводы трудов Дионисия Ареопагита (1675), Адриатиса Иоанна Златоуста (1678), Исповедания Петра Могилы (1685, изд. 1696) и мн. др. Он участвует в упоминавшихся работах по исправлению Библии (1674—1676), известен как автор оригинальных сочинений, преимущественно полемического содержания. В целом характер этих сведений подтверждает мнение А. В. Горского и К. И. Невоструева о Евфимии как об одном из наиболее интересных деятелей эпохи: «Для истории последних патриархов всероссийских необходимо знать, сколько новых переводов трудами этого инока и его школы приготовлено было к изданию и какое участие принимал он во всех вопросах церковных своего времени» [5, 1862, II/3, с. VII].

Среди многочисленных его переводных и оригинальных сочинений [5, 6] видное место занимают труды по новому переводу византийского канонического кодекса (окончательный вариант: 1693—1696 гг.). Они и являются непосредственным объектом данной публикации.

Ядром вновь созданной редакции стал новый перевод византийского канонического памятника — так называемого Фотиева Номоканона в XIV титулов [7] с не переводившимися ранее на Руси толкованиями Феодора Вальсамона [8]. Это позволяет выделить особую, V редакцию Русской Кормчей, и называть ее Евфимиевской по имени создателя. Систематическая часть — собственно номоканон — содержится в двух рукописях Синодального собрания Отдела рукописей ГИМ: Син. 475 и Син. 223. Хронологическая часть — полный текст правил с построчным комментарием — соответственно в списках Син. 464 и Син. 224—225 (Т. 1—2). Свообразным приложением к своду являются отдельно выполненные переводы: Апостольских постановлений (Зачинений) Климента Римского (Син. 474, 92), Синагмы Матфея Властаря (Син. 226), а также переписанный Евфимием Чудовским перевод «Епитом или Сокращений» Константина Арменуцула, выполненный в 1656 г. Епифанием Славинецким (Син. 129).

Время работы над переводом определяется из записи Евфимия в конце рукописи Син. 464: «сщная книга сїя каноны стыхъ апсль, и стыхъ селенскихъ и мѣстныхъ синодовъ и различная посланїя и словеса каноническая... съ толкованми изящнѣйшими и пространными бгомудраго стѣшаго Феодора валсамона патрїарха антїохїйскаго преведеса съ греческа на славенскїи дїалектъ в' прствующемъ великоградѣ Москвѣ въ обители великаго архїстратїа мїхаїла и великаго архїерея алеѣїя митрополїта, зовемѣи чудовѣ, в' лѣто (1691), мсца іюня въ 3ї (17) днѣ» (л. 849об). На поле, рядом с процитированной записью добавлено: «начаса преводитися ...по блсвенїю стѣшаго іоакїма патрїарха всероссїйскаго»,

а совершился при свѣтѣшемъ адрианѣ патрїарсѣ», т. е. речь идет о конце 80-х — нач. 90-х гг.

Кодикологическое и лингвистическое изучение рукописей Син. 475, Син. 223 позволяет внести ряд существенных уточнений в археографическую историю памятника. Прежде всего мы можем указать на две группы рукописей, одна из которых является хронологически старшей. Анализ показывает, что 1) обе выделенные группы связаны с последовательными стадиями работы Евфимия над созданием нового перевода Кормчей и отражают две редакции этого перевода; 2) рукописи младшей группы не восходят, как считалось прежде [9—11], ко времени Епифания Славинецкого и не могут быть атрибутированы последнему.

Исследование списков первой редакции (к ней относятся рукописи форматом в 4°, переписанные, согласно пометам Евфимия, не позже 1690 г. — Син. 465, в 1691 г. — Син. 464 и в 1692 г. — Син. 475 г.) выявило два основных почерка, в соответствии с которыми тетради названных рукописей делятся на черновики Евфимия и переписанные рукой, по-видимому, Флора Герасимова авторизованные чистовики этого перевода. К черновикам-автографам относятся тексты: Правила VII Вселенского Собора (Син. 465), Указатель к Номоканону (Син. 475, л. 1—11), Изказаніе о сщєнныхъ и бжественныхъ канонѣхъ (Син. 464, л. 4—5). Идентификация почерка произведена на основании сличения названных текстов с достоверно принадлежащими его руке предисловием к Сокращениям К. Арменопула и некоторыми другими текстами в составе Погодинского сборника (ГПБ, Пг. 1963, л. 125—126; л. 127—128).

Расхождения текста Евфимиевского (Евф.) перевода с текстом Первопечатной Кормчей (ПК) позволяют выявить различия в составе оригинала, которым мог пользоваться переводчик при работе над текстом.

В плане текстологии перевод Евфимия оказывается, как правило, ближе к древнеславянской редакции, значительно расходясь с сербской. Причины этого, кажется, ясны. Дело в том, что перевод Евфимия восходит, как и перевод Ефремовской Кормчей (Ефр.), к полному тексту правил, тогда как Рязанская Кормчая (Ряз.) восходит к Синописису Аристина, т. е. правила в ней даны в сокращении и, местами, в пересказе. К тому же греческий оригинал Светосавской Кормчей, лежащей в основе Рязанского списка, не известен.

Нет полной гарантии, что он вообще существовал, хотя такая возможность и признается большинством исследователей. Но мы не знаем полного объема работы над Кормчей, осуществленной на Афоне Саввой Сербским (ум. 1237 г.) или другим, заслоненным им славянским компилятором. Вопрос о промежуточных стадиях в истории так называемой Сербской редакции остается на сегодня открытым.

Дополнительного исследования требует вопрос: обращался ли реально Евфимий к каким-либо спискам Кормчей Ефремовского типа (кстати, наиболее реальным для него было бы, видимо, обращение к Ефремовскому списку — Син. 227)? В принципе, схождения Евфимиевской Кормчей с Ефр. вполне объяснимо просто точным следованием переводчика греческому оригиналу, общему для обоих переводов, тем более что древнеславянский перевод также является в системе своей пословным.

На то, что Евфимий мог справляться и с другими авторитетными для него источниками, указывает запись в конце предисловия к рукописи Син. 464: «сія книга бжєннаго теодора валсамона совершенною истолковавшаго все сщєнныя каноны (и книга бжєннаго монаха ѳанна зо-

нара) (скобки Евфимия. — И.-Л. Т.), колико нужна в' наученіе священныхъ, и въ исправленіе исповѣдающихся. и потребна еже имѣти ю дховникомъ, сказуетъ («кто-то», не сказано кто. — И.-Л. Т.) в книзѣ номоканонѣ собранномъ в' стѣи горѣ афонствѣи бгдохновенными ѿцы: кко не имѣяи сихъ книгъ, не поставляется еспь или іерей, паче же дховникъ» (л. 11). Данная запись помогает нам прояснить два обстоятельства. Первое — то, что, говоря о книге, без которой не поставляется ни епископ, ни иерей, ни духовник, Евфимий ссылается на книгу, «созданную в святой горе афонстей», однако имеет в виду не Светосавскую Кормчую, не Вальсамона, ни даже древний Постников Номоканон. Очевидно, речь здесь может идти лишь о позднем Епитимийнике (Номоканон при большом Требнике), а это показательно в плане выявления традиции, которой мог следовать переводчик (ср. украинские издания Малого Номоканона Памвы Беринды и Захария Копыстенского 1620 и 1624 гг.).

Второе — то, что объединяя имена Вальсамона и Зонары, Евфимий этим указывает на имеющийся перед ним греческий оригинал, в котором помещены толкования одного и другого канониста. И действительно, историкам известна комбинация подобного рода. Она встречается в девяти рукописях, отмеченных в работах Цахарие [12].

Исходным текстом для Евфимия на первой стадии работы было одно из парижских изданий Номоканона с толкованиями Вальсамона (1615, 1620, 1661 гг.), с возможным дополнительным обращением к хранившейся в Успенском соборе рукописи Богородицких правил греческого письма, появление которой на Руси связывают со временем митрополита Фотия (ум. 1431 г.).

Что касается непосредственного источника, использованного при создании второй, переработанной редакции (Син. 223—225), он может быть назван точно. Изучение текстов, а также предисловий переводчика в контексте прочих исторических свидетельств не оставляет сомнений в том, что Евфимий обращался к классическому двухтомному изданию Беверегия (Оксфорд, 1672).

Говоря об источниковой базе Евфимия, о рукописях и изданиях, содержащих греческий текст Номоканона Фотия с толкованиями Феодора Вальсамона, нельзя не учитывать также русские источники, предположительно находившиеся в руках переводчика — в том числе сохранившийся лишь частично (а может быть, и осуществленный лишь частично) перевод Максима Грека. В конце Син. 464 текстов сопровождается пометами: «сіе написася из маѣіма грека и из арменопола» (л. 841об) и «сіе до конца из маѣімова преводу грека» (л. 846). Последнее имеет важное методологическое значение. Примыкая, даже если чисто декларативно, к традиции Максима Грека в плане историко-каноническом, писатель тем самым сознательно относит себя к определенной традиции и в плане языковой и переводческой практики.

Систематизация выявленных различий текстологического характера полностью подтверждает выводы о различии оригиналов Евф. по сравнению с бытовавшими в XVII в. на Руси Кормчими древних переводов. В приведенных ниже примерах чтения Евфимиевской Кормчей и их греческие соответствия сопоставляются с Ефремовской Кормчей и соответствующими чтениями ее греческого источника. Греческий текст цитируется нами по изданию Радлиса и Потлиа [13], с сохранением принятых в нем обозначений для предшествующих изданий: Гервета 1561 г. (°Е), Х. Юстеля 1615 г. (°Г), Велля и Г. Юстеля 1661 г. (°В), Вильяма Беверегия

гия 1672 г. (Вѡѡр), а также по рукописным Vallicelliani F. 47, F. 10 (X в.— V) Patiniaci 172, 173 (вторая пол. IX в.— P) и Vindobon. hist. gr. 56 (XI в.), разночтения из которых параллельно Еѡр. приведены В. Н. Бенешевичем в издании Древнеславянской Кормчей 1906 г.

В ряде случаев 1) текст Евѡ. согласуется с чтениями обоих греческих изданий (‘Е, Вѡѡр), однако отличается от протографа древнеславянского перевода (V; P) дополнениями, приписанными на полях: подобаеѡ защищати немощныя блженно мнящымъ еже даяти (глосса: неже емляти) VII.4, что соответствует ‘Е, Вѡѡр: μαχαρίου ἡγουμένου το διδόναι, ἢ λαμβάνειν. Тогда как в Евѡ. и в рукописях V, P имеем: блажено изволѡ даяти и — соответственно, μαχαρίον ἡγούμενος τὸ διδόναι; 2) в других случаях восхождение к разным спискам греческого протографа подтверждается перестановкой отдельных слов в Евѡ. в сравнении с Еѡр.: и ѡ клира или земледѡлателя кунити кнѡз село VII, 12 = ‘Е, Вѡѡр: ἐκ τοῦ κληρικοῦ ἢ τοῦ γεωργοῦ ἀνήσχηται ἀρχὸν τὸν ἀργόν. Тогда как в Евѡ. и P обратная последовательность: развѡ дѡлателя и клирика искоупити кнѡз село ... = P, ἐκ τοῦ γεωργοῦ ἢ τοῦ κληρικοῦ; 3) часть разночтений свидетельствует о различии печатных греческих источников, которыми пользовался Евѡфимий на разных стадиях работы над переводом Кормчей (редакция, связанная с рукописями Син. 464, 465, 475, с одной стороны, и дополненная, переработанная редакция 1693—1696 гг. — рукописи Син. 224—225 — с другой стороны). Иными словами, речь в данном случае идет о различиях, заключенных в списках и изданиях греческого протографа. Например: великѡи γѡ вѡсѡлѡи вѡ аскитскихъ своихъ канонѡхъ (исправлено: главизнахъ) γставляетъ.... VII, 21, толкование = ‘Е: ὁ μέγας Βασιλεὺς ἐν τοῖς ἀσκητικοῖς αὐτοῦ κανόσι διορίζεται...; Вѡѡр: ἐν τοῖς ἀσκητικοῖς αὐτοῦ κεφαλαίοις διορίζεται; или другой пример: в’ последней воли (вариант: в’ последнѡмъ завѡщанѡи) 2, 1, толкование, Син. 475 = ‘Е: βουλήσει; Вѡѡр: διατοπσει.

Таким образом, что касается разночтений списков первой и второй выделенных групп, то они демонстрируют то различие, которое существует, с одной стороны, между текстами, лежащими в основе изданий Гервета и Юстелля (1561: ‘Е и 1615: ‘I), с другой — между ними и изданием Бевергия (1672: Вѡѡр).

Интерес также представляют разночтения Евѡфимиевской Кормчей с чтениями Кормчих славянских редакций, не связанные с разночтениями греческих источников. В целях выяснения языка и перевода исследуемого памятника представляется целесообразным провести сопоставление Евѡ. (I) с параллельными чтениями Еѡр. (II) и Ряз. (III):

(I)	(II)	(III)
4.4. еже подобати свѡщ- цаемыми вѡзвѡщати вѡрѡ	яко подобаеѡ просвѡщеннымъ вѡз- вѡщати вѡру	яко подобаеѡ крѡщающимъѡ поучатисѡ исповѡдати вѡрѡ

греч. περὶ τοῦ χρῆναι τοὺς φωτισμένους παραγγέλλειν τὴν πίστιν

6.2. о ѡемлющихъ ѡ цѡркве воскъ или елей	и о прѡимающихъ ѡ цѡркѡи свѡщъ или масло	ѡ вземлющихъ нѡчто ѡ цѡркѡе ѡлѡ воскъ ѡлѡ темькнѡ ѡлѡ масло ѡ живущихъ въ снѡзъ мѡстѡхъ ѡ сѡгрѡщающихъ
--	--	---

греч. καὶ περὶ τῶν λαμβάνοντων ἰπὸ ἐκκλησίας κηρὸν, ἢ ἔλαιον.

На основе проведенных сопоставлений могут быть сделаны следующие предварительные выводы.

1. Обращает на себя внимание частотность лексических заимствований из греческого языка на месте древних калек. Как правило, это лексемы терминологического характера: *кльрикъ* вм. *причетникъ*; *маги* вм. *еълси*; *потїръ* вм. *чаша*; *сунагога* вм. *сборище*; *снодъ* вм. *соборъ*.

2. Значительный пласт разночтений Евф.—Ефр. составляют синонимические пары, оба члена которых описаны в исторических словарях (*анагема* — *проклатис*; *благодать* — *даръ*; *бракъ* — *женитва*; *достоинство* — *санъ*; *жизнь* — *животъ*; *нужда* — *бѣда* и мн. др.). Это позволяет ставить вопрос о специфике стилистического варьирования лексики в текстах XVII в. В частности, синонимические замены типа *одежда* вм. *риза*, *слоуга* вм. *служитель*, *прощенїе* вм. *простынь*, *сундукъ* вм. *ковчегъ* свидетельствуют о тенденции, даже у традиционалиста Евфимия, к демократизации (и секуляризации) лексики, вытеснению устаревших или изменивших стилистическую окрашенность древнеславянских слов.

3. Может быть выделен ряд случаев, когда переводчик, не предлагая новых вариантов, примыкает к чтениям ПК, несмотря на отрицательное в целом отношение к ней: а) ПК, в отличие от древнеславянского перевода, употребляет лексические грецизмы, они, как правило, сохраняются в новом переводе (*запрѣщенїе* — Ефр., *епїтїмїя* — ПК = Евф.; *попъ* — Ефр., *презвитеръ* — ПК = Евф.); б) переводящий термин ПК не соответствует древнеславянскому по морфологическому облику, переводчик XVII века принимает морфологический вариант лексемы из ПК: *плодоносїе* — Ефр., *плодоношенїе* — ПК = Евф.; *чищенїе* — Ефр., *очищенїе* — ПК = Евф. Та же закономерность наблюдается в ситуации, когда речь идет о суффиксировании в Ефр. славянским формантом заимствованного греческого корня: *дикащица* — Ефр., *дїаконїсса* — ПК = Евф.

Сознательная ориентация на терминологичность переводящего слова заставляет Евфимия становиться на путь создания новых сложений, точно калькирующих оба элемента соответствующего греческого слова: *казити*, *обрѣзати* (Ефр.) — греч. *ἀκρωτηρίαζω* — *краерѣзати* (Евф.); *помощь* (Ефр.) — греч. *πρόσῃσις* — *предстательство* (Евф.); *чтениѣ* (Ефр.) — греч. *ἀνάγνωσις* — *прочитанїе* (Евф.).

Изучение словообразовательных моделей, активно используемых переводчиком, позволило выделить некоторые регулярные соответствия в грамматическом оформлении переводящих лексем:

последовательная передача греческих приставок соответствующими славянскими (*ἀνα-κρίνεισθαι*: *возъ-суждати*; *ἀνα-φέρειν*: *возъносити* etc; *κατα-χολοῦσθαι*: *по-сѣловати*; *κατ-επιφέρωσθαι*: *по-нуждающую* etc; *προσ-εδρεῖσθαι*: *при-сѣдѣти*; *προσ-φορά*: *при-нось* etc). Такая же регулярность наблюдается в передаче греческих префиксальных *ἐκ-*, *προ-*, *συν-*, *υπο-* и др. Частотный для философско-теологической лексики компонент *εὐ-* стандартно переводится *благо-*;

продуктивная модель конструирования переводящих терминов с суф. *-ство*. Среди последних немало традиционных образований, таких как *буйство*, *дѣтство*, *началство*, *общество*. Другая группа лексем — *костырство*, *шпынство*, *шутство*, *щапство* — носит как будто западно(южно)русский характер. Самый большой разряд составляют новообразования переводчика: производные от греческих основ (*επισκοπство*, *ἱκονομство*, *κυρατορство*), а также избыточные, не всегда мотивированные синонимы к старым славянским терминам (*преротство* «клятвопреступление», *распружество* «развод» и др.);

активность глагольных (и атрибутивных глагольных) форм с суффиксирующим формантом *-ств-*: *годствовати*, *догматствовати*, *игуменствовати*, *народствовати* и мн. др.

Особенно любопытны случаи, когда суффиксальный элемент *-ств-* и/или другие славянские форманты присоединяются непосредственно к греческой основе, оставляемой переводчиком без изменения. Тогда получаются «еллинословенские» слова-кентавры, такие как: (а) вышеуказанные существительные типа *кѹраторство*; (б) глаголы типа *канонствоватися* «руководствоваться правилами», *литургийствовати* «служить литургию» etc; причастия — *демонствѹющийся* «беснующийся» (исконно славянское *бесъ* заменено здесь в корне греческим *демонъ*), *клирїчествѹемый* «посвящаемый в клир»; *саватствѹющий* (ср. *соуботьствежѹишти* в Ефр.) и т. п.

Тенденции поморфемного перевода, определяющей своеобразие переводческой манеры Евфимия, может быть дано несколько объяснений. Во-первых, как свидетельствует история славянских переводов, поморфемный перевод применялся в случаях, когда переводчик не мог найти для греческого слова близкого по смыслу ему славянского, т. е. при расхождении культур. Как пишет, ссылаясь на К. Шумана, Е. М. Верещагин, «словообразовательные кальки характерны для следующих тематических областей: христианское вероучение, церковь, богослужение, церковные праздники, новое государственное и общественное устройство, право, нравственные отношения и т. д.» [14]. Легко видеть, что область церковно-канонической и юридической терминологии, с которой сталкивался Евфимий при осуществлении нового перевода византийского Номоканона, как раз и принадлежит выделенной выше сфере «расхождения культур». Более того, даже спустя два века после Евфимия, в пору расцвета русско-канонического права, переводчик «Номоканона» Фотия в XIV титуле с толкованиями Вальсамона В. А. Нарбеков, признавая несовершенство выполненного им перевода, писал: «... в свое извинение можем ссылаться на трудность средневекового византийского текста и крайнюю по местам сжатость в изложении гражданско-византийских законов, нередко переполненных искусственными юридическими терминами, так что часто без спесения сжатых формул Вальсамонова текста и текста Номоканона с более широким уложением параллельных гражданских законов, а также без ученых комментариев нельзя бывает и понять их смысла...» [8, с. IX].

В гораздо большей степени те же трудности в передаче архиусложненной византийской терминологии стояли в XVII в. перед не имевшим специальной юридической подготовки справщиком Евфимием. В этом смысле следует признать, что используемый им прием поморфемного калькирования был, возможно, в ряде случаев оптимальным способом конструирования терминов, зачастую весьма далеких от русской жизни, ее культурной и юридической традиции.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что Евфимий в своей переводческой практике строго следовал системе пословного перевода, с одно-однозначным соответствием переводимых и переводящих лексем, с поморфемным калькированием терминологической и общенаучной лексики, с сильно выраженной тенденцией к «грецизации» на всех уровнях результирующего текста.

На уровне лексики данная тенденция реализуется в обильном и не всегда мотивированном притоке иноязычных слов: *ваптисмата* вм. *погруженїя* Апс. 50; *виматъ* вм. *судъ* Апс. 74, толк.; *вревїя* вм. *книга*; *кїніксїя* вм. *күтія* Апс. 4, толк.

На уровне синтаксиса это выражается в элементах греческого управления, греческой структуры фразы: (1) еще и даже до нѣ нѣцїи архїереєвъ в' монашескїи низходяще образ и т. д. — Соф. 2, Син. 464, л. 339 об = греч. *εἰ καὶ μέχρι τοῦ νῦν ἔνιοι τῶν ἀρχιερέων εἰς τὸ τῶν μοναχῶν κατιόντες σχῆμα* [13, т. 2, с. 707]; (2) понеже нѣцїи клирїковъ презирающе каноническое зачиненїе... VII, 10 — греч. *ἐπειδὴ τινες τῶν κληρικῶν...*

На уровне акцентологии переводчик следует греческой системе ударений в заимствованных словах — и прежде всего в ономастическом лексическом слое: *кѣрїлла* — *Κόριλλος*; *Кврїлла* — *Κυρίλλου* VI, 1, л. 135 об; *Фїлїпа* — *Φίλιππον*; *Нїкάνора* — *Νικάνορα*; *Парменá* — *Παρμενῶν* *Нїкб-лаа* — *Νικόλαον* VI, 16; *Пётра* — *Πέτρον* VII, 1.

На уровне орфографии наблюдается сильное влияние так называемого «гречизирующего» начерка (ср. [15]), переходящего места в пографемное воспроизведение облика заимствующего слова: *аѣиωмать*, *вакуѣματα*, *сѣллогистствовати*, *таѣѣωтъ*, *епископелнѣ*; иногда с добавлением к греческой корневой морфеме славянских флексий: *аѣиωматѣѣхъ* (м.р., мн. ч., м. п.), *епѣоркии* (ж. р., ед. ч., род. п.), *епѣагкплатѣоны* (м.р., мн. ч., им. п.); *спадѣоны* (м.р., мн. ч., им. п.). О принципиальной значимости графического оформления слов и о смысловой нагрузке каждого соответствующего написания Евфимий специально писал в своем программном трактате 1692 г. «О исправлениях в преждепечатных книгах минеях» (ркп. ГИМ, Чудовское собрание, № 286; опубликован К. Т. Никольским в 1896 г. — [16]). Он обращает внимание на различное семантическое наполнение слов *феос*, написанное через *ѣ* («змея») и *ѣеос*, написанное через *ѣ* («бог»), *миръ* через *и* и *мїръ* через *ї* («космос» — «мир. свет»). Смыслоразличительное значение графем *и* и *ї* сохранялось, как известно, в русском литературном языке вплоть до начала XX в. и было реализовано, например, в противопоставлении названий романа Льва Толстого «Война и мир» и поэмы Вл. Маяковского «Война и мїръ» [17].

Иногда Евфимий затрудняется в определении падежа заимствованного существительного — это находит отражение в заменах типа: *стѣл архсмѣ* — *стѣлω хрїсма*, здесь же наблюдаем колебания в написании букв.

Встретившиеся при изучении рукописей Евфимиевской Кормчей ошибки перевода могут быть классифицированы следующим образом.

Одну группу образуют ошибки, связанные с неверным прочтением исходной греческой лексемы (типа классической «райской пицци» и «огненного родства» — по ассоциации *γένεσις=γενής* [18, III, стлб. 139]: греч. *ἀκοινωνήτως* «не имеющий общения» Евфимий переводит словом *неправильнѣω* и далее по зачеркнутому исправляет его на слово *неканонически*. По ходу мысли переводчика остается предположить, что основу *κοινός* Евфимий прочитал как *καών*.

Подобную ошибку следует видеть и в случае, когда греческий глагол *νομοθετέω* «внушать, увещывать» Евфимий переводит *узаконить*, по всей видимости, спутав его с греч. *νομοθετέω* «узаконивать». При этом более правильным является отвергнутый переводчиком древний перевод *оувѣщевати*.

Другая группа ошибок связана с неуместным, а иногда неправильным этимологизированием греческих основ. Ограничимся двумя примерами. В двенадцатом правиле Двукратного (Константинопольского) Собора говорится о прерогативе епископа в назначении священников к домовым церквам. Перевод Евфимия дает чтение: *безжребїйству ювленнѣω кюкѣ*

в'мѣстнаго епископа тым ѿдану — л. 331. Странным термином *безжребийство* передано здесь греческое ἀποκλήρωσις «назначение». Происхождение этого неологизма становится ясным, если вспомнить обычную для автора процедуру терминообразования: приставку передавать приставкой, суффикс — суффиксом, корень — корнем. Тогда ἀπο-κλήρ-ωσις естественно даст русское соответствие *без-жребий-ство*. Значение греческого ἀποκλήρωσις «назначать по жребию» действительно восходит к κλήρωσις «бросание жребия». Лексикализация ἀποκλήρωσις в значении «назначать» остается не понятой переводчиком.

Еще более ярко это непонимание проявляется в дополнительном конструировании к этому месту глоссирующего термина *ѿклиричество* — по той же морфемно-калькирующей модели. Ни семы «клирик», ни семы «от» в исходном греческом термине нет. Это типичный образец того, как переводчик пытается толковать свои, неверно понятые и неудачно сконструированные переводящие термины с помощью других, еще более невятных по смыслу и неприемлемых по форме.

Наконец, третью группу ошибок составляют случаи синонимического употребления калек с расходящимися в специальном употреблении семмами: *с'попущеніемъ* вм. *с'дозволенія* из греч. μετὰ προτροπῆς Апс. 52, толк. (ср. чтение Правил в переводе 1876 г. — [19]: но и пресвитеры с дозволения епископа принимают помышления людей); *призваніи* вм. *оувѣщаніи* из греч. παράκλησις Апс. 31 (ср. чтение Книги правил 1839 г. — [20]: по единомъ, и второмъ, и третіемъ оувѣщаніи ѿ епископа).

Перевод Евфимия в смысле следования букве, скованности структурного построения фразы, засоренности грецизмами, темноты может рассматриваться в одном ряду с худшими переводами Симеоновской эпохи, явившимися шагом назад в сравнении с свободными и творческими в отношении к оригинальному тексту переводами Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников.

Ошибки обусловлены в одних случаях недостаточным владением языком оригинала, в других — чрезмерным буквализмом в системе перевода, в-третьих — невысоким уровнем переводческого искусства, приводящим при морфологическом калькировании к «дементализации» переводческой процедуры. Последнее находит выражение в своеобразной диалектике: сочетания буквализма — и прозаива в толковании переводимых терминов, языкового традиционализма — и безудержного новаторства в словообразовании и терминовтвочестве. Темперамент переводчика усугубляет до крайности отмеченные качества.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что черты усложненности перевода во многом детерминированы как типологическими особенностями толковых редакций перевода памятников традиционного содержания [21], так и непосредственно характером византийского исходного текста.

Острая полемика по вопросу о переводах, их лингвистической и идеологической ориентации показательна для культурной истории Руси XVII в. «Еллинословенская» школа перевода Елифания Славинецкого — Евфимия Чудовского, противопоставленная «латинствующей» и «протестантствующей» школам, имела большее, чем обычно считается, значение в истории языка и отечественной филологии. Было бы неверно оценивать данное направление как однозначно реакционное и тупиковое. Скорее, историк языка имеет здесь дело с ярким примером нарушения линейности, одномерности языковых трансформационных процессов, со своеобразной турбулентностью, характерной для послениконовского и раннепетровско-

го времени, безусловно заслуживающей дальнейшего внимания и изучения.

Выявленные факты жизни, деятельности и творчества Евфимия Чудовского, создателя Русской Кормчей V редакции, позволяют судить о нем как об одном из плодотворнейших и оригинальных авторов и переводчиков последней трети XVII в., своего рода ключевой фигуре в истории русского канонического права. Им кончается история развития древнерусских Кормчих и открывается ряд переводов и изданий «Книги правил» нового времени.

Тенденция к расширению социальной базы, секуляризации правового сознания Руси отражается на лингвистическом уровне как последовательная тенденция к модернизации, унификации, демократизации языка и особенно лексической системы Кормчих.

Характерные для переводческой школы Евфимия пословная соотнесенность текстов и структурный изоморфизм переводимых и переводящих терминов при общей для традиционалистов ориентации на кодифицированный церковнославянский язык, максимально приближенный к византийско-греческим образцам, сочетаются на практике с многообразием средств варьирования и словообразовательных моделей.

Проблема открытости лексической системы Евфимия, отношения его к неологизмам, прямым иноязычным заимствованиям, элементам просторечия, стилистическим архаизмам связана со стабилизацией норм русского литературного языка. Представляя результат сознательного языкотворчества, эксперимент Евфимия показателен и в целом для исканий русских книжников в области лексического состава языка, путей и источников его пополнения для нужд возникающих и развивающихся стилей и жанров — в том числе формирующегося языка научной (юридической) прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV — XVII вв. М., 1977.
2. Исаченко-Лисовая Т. А. Псалтирь Авраамия Фирсова 1683 г. Особенности языка и перевода // ИАН СЛЯ. 1984. № 3.
3. Исаченко-Лисовая Т. А. Две школы московского перевода второй половины XVII века // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. М., 1984.
4. Флоровский А. В. Чудовской инок Евфимий. Один из последних поборников греческого учения в Москве во второй половине XVII века // Slavica. 1952. Roč. 19.
5. Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. Отд. I—III. М., 1855—1862.
6. Викторов А. Е. Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древности. Т. 5. Отд. 3. М., 1863. С. 50—56.
7. Бенешевич В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905.
8. Нарбеков В. А. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Вальсамона. Ч. 1—2. Казань, 1899.
9. Митрополит Евгений (Болховитинов). Исторический словарь писателей духовного чина. 2-е изд. Т. 1. СПб., 1827.
10. Архимандрит Савва (Тихомиров). Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858. С. 221.
11. Описание рукописей синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)/Сост. Протасьева Т. Н. Ч. 1. М., 1970. С. 100.
12. Zacharia von Lingenthal. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1877.
13. Παλλή Γ. Α. Ποτλή Μ. Σύναγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἀγίων καὶ πατρῶν, ἡ ἀποστολῶν... Τ. 1—5. Ἀθήνησιν, 1852—1859.
14. Вережагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972. С. 46.

15. *Костюхина Л. М.* Книжное письмо в России XVII в. М., 1974.
16. *Никольский К. Т.* Материалы для истории исправления богослужебных книг (Об исправлении устава церковного в 1682 г. и месячных миней в 1689—1691 г.) // Памятники древнерусской письменности. Т. 115. СПб., 1896.
17. *Панов М. В.* О культурно-историческом подходе к орфографии // Исследование по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова. М., 1974. С. 248.
18. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1912.
19. Правила св. апостол, св. соборов, вселенских и поместных и св. отец с толкованиями. Вып 1—3. М., 1876.
20. Книга правил. СПб., 1839.
21. *Алексеев А. А.* Переводческое наследие Кирилла и Мефодия и его исторические судьбы. Песнь песней в древней славянской письменности: Автореф. дис... д-ра филол. наук. Л., 1984.